

МОЙ ПЛЕТНЕВ

Все далее сказанное о Владимире Александровиче Плетневе весьма субъективно. Да и можем ли мы, так любящие говорить об объективности всего и вся, быть объективными? И надо ли это везде и всегда?

Я расскажу о В.А. Плетневе, каким я его знал; это мое видение Учителя и друга.

Стало уже едва ли не традицией описание научных (или производственных, политических и пр.) достижений ушедших от нас людей. Зачастую складывается впечатление, будто человек для того лишь и жил, чтобы в назидание потомкам писать книги (или стихи и песни), либо для того чтобы строить дома, что-нибудь производить и пр. Нередко остается без внимания, что ушел ЧЕЛОВЕК. А потом уже ученый, писатель, строитель...

Впрочем, показать именно человека невероятно сложно. Удается немногим¹.

Кроме того, есть сферы, куда не следует вторгаться.

За три дня до окончания тысячелетия — 28 декабря 2000 г. — не стало Владимира Александровича Плетнева.

В автобиографии В.А. писал: «Я, Плетнев Владимир Александрович, родился в с. Сафакулево Сафакулевского района Курганской области 26 апреля 1950 года. В 1957 году пошел в школу. В 1959 году вместе с родителями переехал в Челябинск, где в 1967 году окончил среднюю школу № 63. В комсомол вступил в 1964 году. С сентября 1967 года по апрель 1968 года работал электромехаником Челябинского почтамта. В мае 1968 года был призван на службу и по май 1971 года служил в ВМФ. В 1970 году был принят кандидатом в члены КПСС, а в августе 1971 года — в члены КПСС. В 1971 году поступил на дневное отделение Свердловского юридического института, который с отличием закончил в 1975 году»...

¹ Так, счастливым исключением являются воспоминания В.Ф. Ходасевича о Брюсове, Андрее Белом, Гумилеве, Есенине и других выдающихся представителях русской литературы начала XX столетия. См.: *Ходасевич В.Ф.* Некрополь: Воспоминания. М.: Статут, 2012. Любопытно, что, выслушав воспоминания о Валерии Брюсове, Горький сказал: «Жестоко вы написали, но превосходно. Когда я помру, напишите, пожалуйста, обо мне» (там же. С. 170). И В.Ф. Ходасевич написал (см. там же. С. 142–170).

Затем учеба в аспирантуре под научным руководством заслуженного деятеля науки РСФСР, доктора юридических наук, профессора Октября Алексеевича Красавчикова¹. Защита кандидатской диссертации 24 ноября 1978 г. Тема диссертации – «Договоры авиационного обслуживания». С 12 ноября 1977 г. Владимир Александрович работает в качестве преподавателя кафедры гражданского права. 27 июля 1983 г. ему присвоено ученое звание доцента.

Владимир Александрович был блестящим **Учителем**.

Автора этих строк он начал учить гражданскому праву в теперь уже далеком 1978 г. Любопытно, что по моему тогдашнему разумению гражданское право есть «мать зеленая». Дело в том, что в отличие от большинства однокурсников, у меня к тому времени уже было юридическое образование (среднее специальное). К сожалению, гражданское право, хотя и затрагивалось в ходе обучения в глубокоуважаемом мною учебном заведении, однако явно не было фаворитом среди отраслей права, с которыми нас (учащихся техникума) знакомили. Итак, будучи студентом второго курса Свердловского юридического института, я был весьма невысокого мнения о гражданском праве. Естественно, это мнение получило достаточно широкое распространение среди моих товарищей. И вот в такую в какой-то мере «подогретую» (неумышленно) аудиторию вошел Владимир Александрович Плетнев. Поразительно, но после двух-трех занятий предубеждение по отношению к гражданскому праву растаяло, как дым. В этом несомненная заслуга читавшего лекции по части первой гражданского права учителя Владимира Александровича (а затем и моего тоже), профессора Октября Алексеевича Красавчикова и, конечно же, самого Владимира Александровича...

Группу, в которой я учился, В.А. вел по «лабиринтам» гражданского права два года.

Как преподаватель В.А. был строг.

Регулярно проверялось выполнение домашних заданий. Нерадивый студент мог быть уверен, что будет «опять двойка».

Блестящий методист. Очень четко ставился вопрос. Гарантировалась «свобода слова». В то же время не позволялось «растекаться мыслью по древу» либо увести в сторону от обсуждаемой проблемы. Во всех случаях анализируются высказывания всех принявших участие

¹ Об О.А. Красавчикове и его наиболее значимых работах см.: *Красавчиков О.А.* Категория науки гражданского права. Избранные труды. В 2 т. М.: Статут, 2005.

в дискуссии, выявляются «положительное» и «отрицательное» в позиции того или иного участника дискуссии, формулируется собственное мнение, отмечается, что в науке по соответствующей проблеме существует и иная точка зрения, указывается ученый, сформулировавший такую точку зрения и его аргументы... И при этом – очень важно – практическое занятие не превращалось в лекцию, в монолог В.А. Все очень четко, лаконично, емко, достаточно... Сказано все необходимое. Не сказано ничего лишнего.

В.А. стремился научить, помочь. Никогда не забуду происшедший в начале третьего курса случай. Решение задачи было однотипным у всех студентов. И его одобрил В.А. Был лишь один «диссидент», впрочем, высказавший свое мнение, но не особенно настаивавший на правильности решения. После этого решили еще одну задачу, приступили к следующей. И вдруг В.А. прерывает свои рассуждения и следует весьма неожиданное: «Вы знаете, я все думаю о той задаче, которую мы решали первой. Мы не правы. Прав «...» (называется имя того самого «диссидента»). И следует система аргументов, бесспорно подтверждающих тот факт, что задача должна быть решена так и не иначе.

Довольно сложно, особенно начинающему преподавателю, сказать студентам: «Я не готов ответить на Ваш вопрос. Мне надо подумать» или «Мне нужно посоветоваться с коллегами», «Давайте обсудим его на следующем занятии». В.А. мог. Ему совсем нечасто приходилось так говорить. При его-то знаниях! И все же такое случалось. (Любопытно, что никто из претендовавших на вступление в сообщество правоведов, обычно судящих своих преподавателей достаточно строго, не делал вывода: «Он сам ничего не знает». Напротив, такая позиция вызывала уважение). В.А. мог, видимо, потому, что ставил перед собой цель научить, а не выглядеть эффектно любой ценой, «подавить эрудицией», и т.п. (захоти В.А. последнего, это было бы ему совсем нетрудно). Помню, по окончании второго курса на последнем занятии В.А., не называя имен, высказал благодарность тем студентам, которые проявили наибольшее усердие в постижении гражданско-правовой материи и показали хорошие знания. Были и такие слова: «Я старался помочь Вам в изучении гражданского права...». Всем бы нам (преподавателям) такое старание!

В.А. всегда держал необходимую дистанцию в отношениях со студентами (впоследствии я увидел, что при всей широте его природы (его души), соответствующее правило распространялось не только на студентов).

В.А. — Ученый. Слова этого по отношению к себе он не допускал, в крайнем случае — с изрядной долей иронии. По-видимому, такая позиция была обусловлена чрезвычайно трепетным отношением к науке и высочайшей требовательностью к себе. Думается, эти же обстоятельства явились отправными при формировании стиля исследования, свойственного трудам В.А.

В научном стиле В.А. (как и любого другого ученого) в какой-то мере угадываются человеческие качества автора, его культурный уровень. Видимо, и то, что В.А. — прежде всего Учитель. Если же попытаться обнаружить характерные черты стиля В.А., то первое, на что нельзя не обратить внимание, это основательность подхода к исследованию той или иной проблемы. Анализировал ли В.А. правовое положение воздушно-транспортного предприятия или правосубъективность в механизме правового регулирования, либо рассматривал иной вопрос, он всякий раз учитывал ранее сделанные в литературе высказывания, касающиеся предмета исследования. Работы отмечены оптимальным сочетанием «высокой теории» и «практики». Материал подается лаконично, без «архитектурных излишеств». Все необходимое и ничего лишнего. Поэтому произведениям В.А. чужда легковесность. Поэтому в них нет утверждений «с кондачка». Это добротные научные работы, изучение которых требует труда читателя (они не относятся к тем, что можно читать на сон грядущий).

«Ультрареволюционных» идей В.А., похоже, избегал. В то же время нельзя не отметить его «научную смелость». Так, в гражданско-правовой науке едва ли не безраздельно господствует концепция, в соответствии с которой характер, содержание и исчерпывающий перечень вещных прав определяются законом.

Однако В.А. пишет: «Систему вещных прав вряд ли можно считать из исчерпывающего перечня. Любое титульное владение является по своей природе вещным правом и может возникать в том числе и на основе договора. Договор аренды порождает не только обязательственное правоотношение между сторонами, но и вещное между арендатором и неопределенным кругом лиц. Одна и та же вещь может быть объектом и обязательственных, и вещных отношений. В силу того, что гражданские права и обязанности возникают не только из оснований, предусмотренных законом и иными правовыми актами, а также из действий граждан и юридических лиц, которые хотя и не предусмотрены законом, но в силу общих начал и смысла закона порождают гражданские права и обязанности, эти действия могут

породить особые вещные права, не называемые законом и иными правовыми актами¹.

При этом в сноске делается оговорка о том, что существует иная позиция, указывается ее наиболее яркий сторонник и работа, в которой изложена соответствующая точка зрения.

В результате: а) высказано свое мнение; б) материал подан объективно и предельно корректно по отношению к ранее сделанным высказываниям.

Не место вдаваться в полемику. Пожалуй, и обозначать свою позицию автору этих строк не следует. Опять-таки — не место. Нельзя, однако, не заметить, что, к сожалению, подобный стиль исследования не является преобладающим в современной юридической литературе. Нередко главным аргументом в пользу того или иного утверждения служит ссылка на мнение авторитетного ученого. Отсылки, разумеется, нужны. Но одной отсылки мало. Во-первых, мнение одного авторитетного ученого едва ли не всякий раз может быть опровергнуто утверждением не менее уважаемого исследователя. Так, бесспорно выдающимся ученым является Г.Ф. Шершеневич и, слава богу, его труды возвращены в научный оборот². В то же время в работе, не уступающей по популярности цивилистическим исследованиям Г.Ф. Шершеневича, об учебнике Г.Ф. Шершеневича сказано: «Репетиториум, удовлетворяющий современным требованиям. Некоторые учения, имеющие второстепенное, с точки зрения догматики, значение, изложены очень подробно, и наоборот, многим капитальным учениям, отведено слишком мало места. В учебнике масса крупных ошибок»³.

Кстати, по мнению Д.И. Мейера, есть «случаи, в которых право пользования по найму обращается в вещное право нанимателя, становится правом на чужую вещь»⁴.

Во-вторых, памятуя о ранее сделанном в науке, не следует отступать от библейского: «Не сотвори себе кумира». В науке должна торжество-

¹ Гражданское право: Учебник для вузов. Часть первая / Под общ. ред. Г.И. Илларионовой, Б.М. Гонгало, В.А. Плетнева. М.: Норма, 1997. С. 297.

² См., в частности: *Шершеневич Г.Ф.* Учебник русского гражданского права (по изд. 1907 г.). М.: СПАРК, 1995. Издательством Статут в серии «Классика российской цивилистики» изданы «Учебник русского гражданского права» в двух томах (2005 г.), «Курс торгового права» в двух томах (2003 г.), «Конкурсный процесс» (2000 г.).

³ *Мейер Д.И.* Русское гражданское право (в 2 ч.). По испр. и доп. 8-му изд., 1902. Изд. 2-е, испр. М.: Статут (Классика российской цивилистики), 1997. С. 52.

⁴ *Мейер Д.И.* Указ. соч. С. 626.

вать формула: «Платон мне друг, но истина дороже». Впрочем, иногда «голая» отсылка есть элементарное «злоупотребление правом».

Вряд ли правильно научные воззрения (может быть, и сомнительного характера) отвергать «с порога» или попросту игнорировать. Учитывая существующее в юридической науке мнение (пусть и не относящееся к господствующему), которое здесь изложено в цитатах Д.И.Мейера и В.А. Плетнева, можно ли согласиться с тем, что в большинстве исследований, посвященных вещным правам, о наличии такого мнения даже не упоминается?

Следует еще раз подчеркнуть, что в данном случае не преследуется цель аргументировать или опровергнуть точку зрения, в соответствии с которой систему вещных прав вряд ли можно считать состоящей из исчерпывающего перечня. Речь «всего лишь» о научном стиле В.А.

В.А. был человеком необычайно энергичным (некоторые из его друзей говорили о нем: «неугомонный»). Не припоминаю В.А., шедшего куда либо неторопливо. Всегда стремителен. Его всегда ждет масса дел. Удивительно ли, что за время работы в юридическом институте (позже – юридической академии) он был и куратором академической группы, и председателем совета по работе в студенческом общежитии, и членом группы народного контроля, и физоргом кафедры, и членом профбюро факультета и т.д. и т.п.? Удивительно ли, что за тот же период В.А. закончил двухгодичный университет педагогического мастерства при Свердловском юридическом институте, факультет повышения педагогической квалификации при Свердловском институте народного хозяйства, побывал на стажировках в Госарбитраже при Свердловском облисполкоме и во ВНИИСЗ, около года длилась научная стажировка в ФРГ (г. Кельн)... В.А. заведовал подготовительным отделением Свердловского юридического института (1980–1984 гг.), был заместителем заведующего кафедрой, а с 19 октября 1992 г. до 31 августа 2000 г. – заведующим кафедрой гражданского права, с марта 1999 г. В.А. заместитель, а затем первый заместитель председателя Арбитражного суда Свердловской области. Все это время В.А. успевал читать лекции по гражданскому праву, спецкурсу «Проблемы гражданского права», проводить практические занятия, вести научно-исследовательскую работу, участвовать в научных конференциях (проводившихся в Москве, Санкт-Петербурге, Тюмени, Твери, Домбае, Риге, Иркутске, Екатеринбурге...).

В 80-е – начале 90-х гг. В.А. активно участвовал в работе по так называемым «хоздоговорам». Сейчас уже стало забываться соответству-

ющее понятие: «институт заключает договор с каким-либо министерством, заводом» и т.п. Ну, скажем, хоздоговор по теме «Материально-техническое обеспечение производственного объединения в условиях перехода к рыночным отношениям» (такой договор был с одним из московских производственных объединений, руководителем темы был как раз В.А., а я участвовал в выполнении работ). Сотрудники института обобщают практику, анализируют состояние договорной работы, вырабатывают различного рода рекомендации (например, по определению размера убытков, причиненных поставкой продукции ненадлежащего качества) и т.д.

Такого рода работа приносила определенную пользу и институту, и сотрудникам, принимавшим участие в такой работе, и заказчику. Кроме банального желания заработать¹, работа по «хоздоговору» привлекала еще и тем, что благодаря ей можно было увидеть, как реализуется на практике то или иное положение закона, ощутить обусловленность правовых норм и практики их применения соображениями экономического или иного порядка, очень часто увидеть то, что не прочтешь ни в одной книге (некоторые явления напрочь игнорируются учеными, поскольку представляются порочными с точки зрения доктринальной, даже если они имеют всеобщее или достаточно широкое распространение, либо кажутся слишком мелкими с позиций юридической науки). Но ведь для того, чтобы они «казались» слишком «мелкими» (или «крупными»), их надо знать. Может быть благодаря в том числе работе по «хоздоговорам» В.А. в научной работе иногда, «уносясь в заоблачные выси», никогда не забывал вернуться на «грешную землю»: или отталкивался от какой-либо практической потребности, или стремился проследить, к каким практическим последствиям может привести реализация положения, сформулированного доктриной.

Очень внимательный к людям. Он обладал редким даром — он умел слушать и слышать человека. И понять его. С ним можно было посоветоваться, попросить о помощи. Помогал многим и многим. Словом и делом. (Сам не очень любил просить помощи.) Если, однако, он чувствовал «недобросовестность» говорящего (очевидную неправоту, обман, злоупотребление добрым отношением и т.п.), то проявлялся взрывной характер В.А. В моем присутствии некий «исследователь» как-то попытался изложить В.А. идею о формировании новой отрасли

¹ Оплата примерно равнялась аспирантской стипендии. Иногда чуть больше (100–150 руб.).

права. Разумеется, за счет права гражданского. Нет нужды говорить, о чем речь, дабы не пропагандировать, на мой взгляд, более чем сомнительные «вещи», тем более что они до сих пор не обнародованы. В.А. прервал настроившегося на длительный монолог «отца-основателя» достаточно резко: «Попытайтесь. Сомневаюсь, что из Ваших потуг что-то выйдет». Впрочем, в последние годы характер его существенно смягчился. В.А. стал гораздо более терпимым. Снисходительнее что ли. Не торопился судить людей (воистину: «Не судите, да не судимы будете»).

В.А. был очень яркий и разносторонний человек.

Прекрасно образованный. Говорящий на безупречном русском языке, не испорченном «внешним» (иноязычным) влиянием. К сожалению, такое «внешнее» влияние всегда было достаточно активным. В последние 15–20 лет мы узнали много «новых» слов и словосочетаний. Проявляется это и в праве. Жонглирование иностранными словами, не всегда понятными слушателю (читателю), вообще стало модным. По-видимому, он (слушатель, читатель) по замыслу говорящего (пишущего) таким образом должен почувствовать свою ущербность и восхититься образованностью (?) излагающего что-либо. В.А. такой метод подачи материала, да и просто способ общения был чужд. В то же время при обсуждении специально юридических проблем он мог легко вспомнить эквивалент какого либо понятия термина на немецком языке, которым владел свободно.

В.А. не был воинствующим радетелем чистоты русского языка. Но он никогда не мог сказать «мизерный», «обеспечение», «генезис» и т.п., хотя большинство именно так и говорит. Интересно, что при всем этом В.А., сам прекрасный стилист, восхищался речью одного из московских профессоров («Как он говорит!»). В.А. мог учить и умел учиться.

Трепетное отношение к русскому языку проявлялось и в том, что, проверяя студенческие курсовые или контрольные работы, В.А. просто не мог не расставить недостающие знаки препинания (или вычеркнуть лишние), исправить грамматические ошибки и т.п.

В.А. отличался великолепным чувством юмора. При этом часто юмор был мудрым что ли. Вспоминается, что году в 1999-м, увидев, что я прихрамываю, В.А. очень обеспокоенно спросил о причине. Как я потом понял, всей душой желая сочувствия, я довольно многословно стал излагать... В том числе были слова: «Такого никогда не было». На что В.А., сдержанно улыбаясь, но вполне серьезно произнес: «Привыкай. Дальше хуже будет». Да уж.

Как известно, у нас «встречают по одежке». В.А. всегда гарантировалась хорошая встреча. Потому что он не просто аккуратно одевался. Нет. Костюм его всегда был изысканным. Он был щеголь, «как денди лондонский одет». При этом он хорошо чувствовал обстановку и знал, куда следует явиться в джинсах, а где без бабочки ну никак не обойтись.

В.А. вообще жил красиво.

Красивый человек он притягивал к себе людей умом, пониманием, терпением, готовностью помочь...

О В.А. хочется говорить и говорить. **Мне его не хватает.**

Б.М. Гонгало

ВЕЩНО-ПРАВОВОЙ ХАРАКТЕР ТИТУЛЬНОГО ВЛАДЕНИЯ

В современной юридической литературе, посвященной вопросам вещных прав, как само собою разумеющийся констатируется факт ограниченности перечня вещных прав (Е.А. Суханов, Л.В. Щенникова и др.), однако никаких доказательств в подтверждение данного положения не приводится. Но к решению данной проблемы может быть и иной подход.

Если исходить из сути вещного права как определяющего элемента содержания абсолютного имущественного правоотношения по поводу вещи (телесного объекта материального мира), выражающегося в возможности управомоченного владеть, пользоваться и распоряжаться ею (в любом «наборе» правомочий в сочетании с правом владения), то очевидным является наличие вещных прав у любого титульного владельца. Возьмем, к примеру, право арендатора. Из договора аренды возникает обязательство, исполнение которого арендодателем ведет к появлению у арендатора права владения и пользования (как правило, если вещь не передается только в пользование). Став титульным владельцем, арендатор, наряду с правами и обязанностями по обязательству из договора аренды, становится управомоченным по отношению к неопределенному кругу лиц, чья обязанность заключается в том, чтобы не чинить препятствий по осуществлению правомочий владения и пользования. Это явно выходит за рамки обязательства. Думается, что данная модель может быть применена и к любым случаям титульного владения (из договоров подряда, перевозки, хранения и др.). Таким образом, договор (в некоторых случаях закон, судебное решение) порождает обязательственное правоотношение, а передача вещи (если иное не установлено законом или договором) порождает правоотношение вещного характера, что дает управомоченному использовать вещно-правовые способы защиты своего нарушенного права

Статья 8 ГК РФ устанавливает, что гражданские права и обязанности возникают из оснований, которые хотя и не предусмотрены законом и иными правовыми актами, тем не менее в силу общих начал и смысла гражданского законодательства порождают гражданские права и обя-